

Часто прибегали к магии и в кругах духовенства⁹⁰. Так, один монах, стремясь получить высокий сан, решил последовать совету некоего мага-каппадокийца: листок с написанной в обратном порядке молитвой, с указанием лиц, от которых зависела карьера, и с начертанными на нем особыми знаками должен был быть освещен светом ночных звезд. При патриархе Филофее в причастности к колдовству были обвинены монахи Фудул, Гавриилопул, протонотарий церкви св. Софии Димитрий Хлор, врач Сиропул. К содействию монахов прибегали и в любовных делах. Богатая Эксотрохина, стремясь выйти замуж, прибегла к помощи некоего священника Иакова, заплатив ему пять иперпиров. Когда Иаков не смог в течение долгого времени обеспечить воздействие любовных чар Эксотрохины, она начала жаловаться. Собор в связи с этим лишил Иакова иерейства (PG. T. 152. Col. 1338—1340, 1433—1439).

Гадания не поощрялись церковью. Священник Димитрий Хлор, обвиненный в магии, был заточен в монастырь Перивлепты (MM. I. № 292. P. 544—546). В январе 1365 г. монах Илларион из монастыря Продрома τῆς Πέτρας, заметив исчезновение нескольких золотых монет из своей кельи, обвинил в воровстве братьев Исайю и Меркурия. Чтобы установить истину, была приведена гадалка, но она не смогла найти вора. Синод отлучил трех монахов за использование магических средств (Ibid. № 228. P. 488—489). Отказ от занятий магией при чистосердечном раскаянии вознаграждался церковью. Так, имя некоей Амарантины, оставившей колдовство, было упомянуто как положительный пример в послании патриарха Филофея к народу. Ей выплатили сто иперпиров (PG. T. 152. Col. 1321 A—B).

Было популярным у византийцев и гадание по руке. Поперечная линия в верхней части ладони правой руки означала знак судьбы, продольная линия в центре ладони — линию жизни. На астрологическом рисунке XV в. указательный палец имел знак Юпитера, большой — Венеры, средний — Сатурна, безымянный — Солнца, маленький — Меркурия. Соотношением линий на ладони якобы определялась судьба человека⁹¹.

Суеверия сохранились и в сфере правосудия, хотя и не были частым явлением. Иногда обвиняемый в тяжелом преступлении испытывался огнем, его заставляли ходить босиком по раскаленным углям или брать в руки раскаленное железо (*Pachym. Hist. I. P. 33.6—10*). Даже спорные вопросы теологии порой решались подобным же образом. Так, богословы пытались решить некоторые спорные догматические тезисы двух церковных направлений, предав огню два манускрипта, содержащих религиозное кредо этих направлений (*Greg. I. P. 166.13—14*). Порой в суде для определения правоты стороны прибегали к поединку между обвинителем и обвиняемым (*Pachym. Hist. I. P. 92.14—15*).

Религиозная настроенность была в высшей степени характерна для поздневизантийского общества. Споры паламитов и антипаламитов обрели широкую аудиторию. Обращенные к народу проповеди аскезы и анахоретства не могли не оставить следа. Стремлением к уединению, молитве была отмечена жизнь многих людей, как выходцев из знати, так и представителей низов. Слова Георгия Акрополита можно отнести не только к одному деспоту Иоанну: «Проводил целые ночи в молитве... было у него попечение о том, чтобы больше проводить времени в уединении и наслаждаться... спокойствием или, по крайней мере, находиться в близком общении с лицами, ведущими такую жизнь» (*Acrop. 42. P. 70.22—71.4*). Уход из политической жизни в монастырь был, как и прежде, обычным явлением. Пример Максима Ласкариса Калофера, который ушел в один из афонских монастырей, предпочтя суете и излишествам придворной жизни состояние умиротворенности (*Cydon. Corresp. 72*), далеко не единичен. Стремление удалиться от общественных дел объяснялось прежде всего тем, что современники не видели выхода из тех неблагоприятных ситуаций внутреннего и международного плана, которые свидетельствовали о падении авторитета империи и приближении ее к катастрофе.

В целом поздневизантийский быт неразрывно связан с традициями предшествующих веков, особенно в сфере церемониала и празднеств. Это было обусловлено во многом политическими причинами, стремлением сохранить в окружающем мире свою прежнюю репутацию могущественного и богатого государства. Вместе с тем многие стороны быта и нравов испытывали в XIII—XV вв. более значительное, чем в предшествующую эпоху, воздействие религии. Другой особенностью, также присущей быту поздневизантийского времени, являлось, не-

⁹⁰ Там же. С. 158—160.

⁹¹ *Catalogus codicum astrologorum graecorum*. Bruxelles, 1898. T. 7. P. 244; *Koukoulès Ph. Op. cit* T. 1, pt 2. Pinax. B.